

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 27–37.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 4 (81):27–37.

Научная статья

УДК 94(47).07

DOI 10.37724/RSU.2023.81.4.003

Эволюция корпоративной культуры русского студенчества в XIX — начале XX века

Наталья Николаевна Юркина

Московский педагогический государственный университет,

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана,

Москва, Россия

nat4377@mail.ru

Аннотация. Корпоративная культура студенчества формировалась под воздействием многих факторов и к середине XIX века стала охватывать не только учащихся вузов, но и молодежь средних учебных заведений. Для нее были характерны нетерпимость к иному, «не студенческому» поведению, отсутствие следования моде и внутренним правилам корпорации. Это приводило к появлению изгоев в студенческой среде, а к началу XX века — к вражде и непримиримости между отдельными группами студентов, представлявших в том числе политические партии в молодежной среде. Большую роль в развитии противостояния сыграли политические партии, активно вербовавшие студентов в свои ряды.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, студенческие волнения, демонстрация, обструкция, сходка, нелегальная литература, диспут, университетский устав, «красные».

Для цитирования: Юркина Н. Н. Эволюция корпоративной культуры русского студенчества в XIX — начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 27–37. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.003.

Original article

The development of corporate culture among Russian students in the 19th — early 20th centuries

Natalia N. Yurkina

Moscow State Pedagogical University,

Bauman Moscow State Technical University,

Moscow, Russia

nat4377@mail.ru

Abstract. Various factors shaped the corporate culture within the Russian students community. By the middle of the 19th century, it had spread among university and college students. The corporate culture was characterized by intolerance to different ‘non-student’ behavior patterns, denial of fashion and internal rules of the organization. These rules led to the emergence of outcasts among students. By the early 20th century, it had evolved into struggling and hostile student groups, whose members were also representatives of political parties among young people. Political parties contributed to the conflict greatly as they actively recruited new members.

Keywords: young students, students strike, demonstration, obstruction, meeting, banned books, debate, university charter, the Reds.

For citation: Yurkina N. N. The development of corporate culture among Russian students in the 19th — early 20th centuries. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 4 (81):27–37. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.003.

Историография истории студенчества XIX века развивалась в советское время под воздействием идеологической установки «Студенчество — передовая часть интеллигенции, активный участник революции». В статьях и монографиях этого периода подробно описаны события, хронология, факты студенческих волнений накануне и во время Первой русской революции (см., например: [Гусятников, 1971 ; Пешников, 1973 ; Ткаченко, 1978 ; Федюкин, 1983 ; Соломонов, 1994]). Современная историография попыталась отойти от данной установки и рассмотреть рост студенческих волнений к началу XX века в ином ракурсе. Исследователями социальной истории были подробно изучены социальный состав студенчества и его изменение, эволюция материального положения студенчества, влияние на молодежь различных политических партий как в начале, так и в конце XIX века (см.: [Юркина, 2016 ; Иванов, 2020]). Анализ корпоративной культуры студенчества, ее роли в чрезмерной радикализации учащейся молодежи к началу XX века имеет большое значение для понимания отдельных аспектов масштабных событий российской истории данного периода, а также особенностей поведения студенчества в целом.

Актуальность темы заключается в применении методологии повседневности к анализу корпоративной культуры студенчества, которая ранее рассматривалась исследователями в рамках классической научной парадигмы. Этим подходом обусловлен и выбор источниковой базы, включающей преимущественно мемуары и художественную литературу. При очевидной субъективности данных они, безусловно, имеют ряд преимуществ, таких как освещение внутреннего мира студенчества, личных переживаний отдельных студентов, а также показывают те стороны студенчества, о которых не содержится информации в сведениях официального характера. Кроме того, в источниковую базу исследования вошли статистические и архивные тексты, иллюстрирующие эволюцию корпоративной культуры студентов. Материал в нашем исследовании расположен в соответствии с проблемным принципом, освещающим различные факторы, влиявшие на динамику корпоративной культуры.

Что же такое корпоративная культура студенчества? Ответ на этот вопрос очевиден и содержится в любом доступном словаре. Согласно исследованию Х. Шварца и С. Девиса корпоративная культура определяется как «Комплекс убеждений и ожиданий, разделяемый членами организации, эти убеждения и ожидания формируют нормы, которые в значительной степени определяют поведение в организации отдельных личностей и групп» [Schwartz, Davis]. Во многом схожи определения других словарей и психологических исследований на тему корпоративных отношений. В целом, корпоративную культуру можно обозначить как совокупность моделей и стереотипов поведения, принятых в некоторой социальной или профессиональной группе.

Как мы неоднократно указывали ранее (см.: [Юркина, 2022]), эволюция социального состава студенчества происходила в XIX веке в связи с ростом количества университетов, расширением профессиональной подготовки в институтах, что приводило к размыванию социального состава студентов. Однако это не единственный фактор, стимулировавший изменение корпоративной культуры. Пропаганда и распространение авторитета политических партий, ожидания и внимание активной общественности к студенчеству, особенности и качество преподавания в вузах и многое другое предопределили эволюцию студенческой культуры и мировоззрения молодежи. В силу возрастных особенностей студенчество не могло оставаться в стороне от значимых для России событий, что также сказывалось на корпоративной культуре. Задачей исследования является всестороннее рассмотрение факторов, влиявших на корпоративную культуру студентов XIX века и предопределивших ее развитие.

Радикализации молодежи в XIX веке способствовала особая атмосфера свободы, царившая в университетах, основанная на университетском уставе 1804 года, дававшем университетам внутреннее самоуправление, право на свой суд, а также декларировавшем готовность служить отечеству [Документы Московского университета, 1804]. Данный и последующие [Там же, 1863] уставы оцениваются исследователями как ограничившие автономию университетов, однако студенты не ощущали ограничений; скорее, уставы были призваны регламентировать

и упорядочить внешние функции университетов, поставив в подчинение им гимназии, а также их учебные программы. В основном преобразования в университетской среде коснулись возросшей преемственности между средним и высшим образованием. Традиционная атмосфера свободы и независимости, господствовавшая в университетах Российской империи, контрастировала с жесткими правовыми и цензурными ограничениями на общественную деятельность и проявление свободомыслия в российском обществе в целом, что создавало вокруг университетов славу источников передовых идей и прогрессивных мыслей, давало учащейся молодежи ощущение собственной избранности и безнаказанности.

Студенты, обучаясь в университетах, быстро спланивались, чему способствовали общность занятий, тесное общение, зачастую оторванность от родного дома. Особая университетская атмосфера отразилась и в художественной литературе: «В громадных чертежных толпился постоянно народ... Могли оставаться, кто сколько хотел... а кто хотел, тот мог заниматься и вечером. Все это давало возможность быстрее-теснее сближаться друг с другом. Были здесь и кружки всяких оттенков...» [Гарин-Михайловский, 1972, с. 183]. Одним из элементов корпоративной культуры студентов являлась их тесная сплоченность, стремление к единомыслию, реализации общей модели поведения.

Уже в 30–40-е годы XIX века для учащейся молодежи, как и для деятелей общественной мысли России в целом, стало типичным участие в разных диспутах оппозиционного характера. Так, будущий методист и писатель И. П. Деркачев описывал в мемуарах, как молодые люди ходили слушать споры А. С. Хомякова со старшекурсниками: «Хотя многое в речах умных и ученых людей было для нас непонятно, но мы все-таки не покидали собрания и терпеливо засиживались до рассвета. Уходили мы... с чистыми сердцами и с верой, что мы стоим теперь в рядах передовой русской молодежи, готовой израсходовать беззаветным образом свои молодые силы на пользу родины» [Воспоминания о студенческой жизни, 1899, с. 231]. К концу XIX столетия участие в диспутах приобрело не столько научный, сколько политический и оппозиционный характер. Интеллектуальная работа сводилась не только к обучению: студенты вникали в события научной и общественной работы, поддерживали оппозиционных ученых. Историк В. И. Пичета констатировал: «...Докторская диссертация М. И. Туган-Барановского была написана на боевую тему: “Русские фабрики в прошлом и настоящем”. Такой диспут собрал большое количество молодежи. Очевидцы вспоминали, как “своими спокойными, уверенными ответами на возражения оппонентов Туган-Барановский произвел сильное впечатление на учащихся”, а “провозглашение Туган-Барановского доктором политической экономии было встречено громом аплодисментов всего зала, который продолжал рукоплескать, когда диспутант проходил через весь зал к выходу”» [Московский университет ... , 1989, с. 592]. Безусловно, рост оппозиционных настроений в студенческой среде в первые годы XX века приводил к стремлению выразить свои взгляды участием в научных диспутах, обретавших политический характер. Если в начале XIX столетия элементом корпоративной культуры молодежи было стремление к свободомыслию, то к концу века оно сменилось однозначным радикализмом.

Молчаливая поддержка университетского начальства и отдельных профессоров, а также элитарность высшего образования, атмосфера свободы в вузах после гнетущей гимназической среды рождали в молодых умах желание проявить себя, в том числе на почве общественно-политической деятельности. Это стало еще одной составляющей корпоративной культуры. Многие студенты пробовали себя в роли ораторов, лидеров молодежных выступлений. В первой половине XIX века протесты молодежи были направлены в большинстве случаев против университетских порядков, а также отдельных преподавателей. И. А. Митропольский об этом писал: «...Взобравшись на садовый столик, в садике старого университета, я перед обступившими меня товарищами развивал мысль о... провинности профессора перед нами, студентами. На наше собрание явился суб-инспектор Романовский и издал пригласил меня прекратить свое ораторство, а всех нас разойтись; но увлекшись я и не думал исполнить это законное требование. Тогда суб-инспектор, протискавшись сквозь толпу, стащил меня с трибуны за ногу, чем и кончилось мое ораторство при общем смехе, в котором принял участие и сам я с Романовским» [Воспоминания о студенческой жизни, 1899, с. 256]. Однако данная история закончилась увольнением одиозного профессора, что придавало молодежи уверенности в своих действиях. Ораторов к началу XX века в студенческой среде появилось немало, о чем речь пойдет ниже.

Общественный деятель, писатель А. И. Герцен в своей книге «Былое и думы» подчеркивал правильность таких действий. Он описывал, в частности, как сам агитировал всех сорвать лекцию неугодного студентам профессора. Когда лекция была сорвана, студенты выскочили за профессором на улицу и бросили ему вслед его калоши [Герцен, 1937, с. 126]. Писатель оказывал большое влияние на мировоззрение молодежи второй половины XIX века, его книга стала настольной для многих студентов, а его идеи корпоративности и взаимовыручки повлияли на целый ряд последующих поколений. Герцен описывал настоящего студента, указывал на традиционные поддержку и взаимовыручку студентов, заявлял, что необходимо протестовать против всего, что не устраивало молодежь в вузе, таким образом формируя ее устойчивую модель поведения.

Значительное место в жизни студентов занимали чтение и обсуждение запрещенной литературы. Нелегальная литература появлялась в вузах разными методами. Так, И. А. Свиньин вспоминает, как «...в старом здании университета, в прихожей, под чугунную лестницей, находит он пачку серой печатной бумаги, с блестящими литерами текста... Это было воззвание “К молодой России”, в нескольких экземплярах: возьми, мол, один экземпляр себе, а прочее — распространяй!» [Свиньин, 1890, с. IV]. Даже университетской свободы студенту казалось мало: достаточно демократичный университетский устав 1864 года воспринимался, как удушливый, а лекции виделись схоластическими и не отвечающими на запросы молодежи. «Входя в университет, я застал в нем суровые, крутые порядки... С особой алчностью расхватывались с рук на руки истрепанные литографированные листки, развертывавшие перед запуганной аудиторией иные перспективы, звавшие на борьбу с этой силой...» [Воспоминания о студенческой жизни, 1899, с. 42–43], — пишет П. Н. Обнинский о 50-х годах XIX века. Пропаганда политических партий в университетах осуществлялась как стараниями подпольных политических партий, так и самими студентами. Многие уже в середине XIX столетия были членами оппозиционных подпольных партий, участвовали в деятельности народников. Традиционным стало стремление не посещать занятия, а заниматься самообразованием.

Наступление эпохи Александра II ознаменовалось ожиданием преобразований. В вузах началась беспорядочная пропаганда, организовывались литературные кружки с чтением запрещенных изданий, студенты заражались мечтаниями о настоящей политической деятельности. В 1861 году перед студентами на площади в торжественной обстановке был зачитан манифест об отмене крепостного права. Один из студентов не снял шапки, и за такую провинность его хотели исключить, но позже простили. По этому поводу в зале университета состоялась сходка студентов. Оратор «разразился страстной речью против правительства и его... незаконных распоряжений... разве мы гарантированы, что подобный случай не повторится?» [Юзефович, 1898, с. 7–8]. Автор указывает, что чрезмерно мягкие меры, применяемые к протестующим студентам, добавляли уверенности молодежи в своей правоте. «Господствующее настроение между студентами было самое крайнее: ненависть к принципу власти, в какой бы форме она ни проявлялась, самая фантастическая нетерпимость ко всему, что расходилось с ними во мнениях, убеждение в гнилости всего, что не принадлежало молодому поколению, при безусловной вере в великое призвание этого молодого поколения... Они разделяли людей на две категории: мы и подлецы» [Там же, с. 32–33].

В воспоминаниях революционеров часто встречается подробное описание типичной жизни студента-революционера — встречи на квартирах с членами нелегальных организаций, распространение нелегальной литературы, аресты и т. д. (см., например: [Морозов, 1907 ; Бах, 1929, и др.]). Революционеры сетуют, что их работа идет медленно, «...в Москве еще долго придется заниматься революционно-воспитательной работой, раньше, чем можно будет приступить к организации революционных сил в собственном смысле слова» [Бах, 1929, с. 158]. Стремление протестовать, вести нелегальную деятельность, собираться на сходки и устраивать обструкции нарастало независимо от политического курса. Решения на сходках принимались путем голосования. Одной из причин протестов были экзамены, казавшиеся несправедливой формой оценки знаний. Против экзаменов регулярно выступали студенты Московского университета, и в один из таких протестов они поставили вопрос на голосование. Однако голоса разделились почти поровну: 545 — за левого оратора, 541 — за правого. Раздался свист и шум, но большинство все же высказывалось за прекращение занятий (см.: [Курбский, 1912, с. 128]).

С принятием университетского устава 1884 года [Документы Московского университета, 1884], который, по мнению публицистов, «скрутил студенчество» [Гиляровский, 1931, с. 124], выступления и недовольство стали носить более ожесточенный и более массовый характер: «Пошли петиции, были сходки, но все это не касалось широкой публики и не выходило из университетских стен» [Там же, с. 126]. В «Московских ведомостях» появились статьи в защиту нового университетского устава. Студенты решили «наказать» эту газету «кошачьим концертом»: они собрались перед окнами редакции газеты и устроили «вой, писк, крики и ругань и полетели в окна редактора разные пахучие предметы, вроде соленых огурцов, тухлых яиц». На место прибыла полиция, которая разогнала студентов, но в окна газеты полетели камни, началась свалка, драка. «С каждым годом все чаще и чаще стали студенты выходить на улицу» [Там же, с. 108], — резюмирует корреспондент. Сами студенты конца XIX века неоднократно отмечали, что учиться было практически невозможно.

Учащаяся молодежь вспоминала свое отношение к принятию устава 1884 года. «"Шагистика" эта не столько досаждала нам своими упражнениями, как тем нравственным гнетом, который невольно чувствовался каждым гражданином-студентом» [Буслаев, 2003, с. 71]. Ощущая себя по-прежнему интеллектуальной элитой российского общества, студенчество остро реагировало на новую форму наказания — отдачу провинившихся, оппозиционных студентов в солдаты. Происходило это, как пишет П. Н. Обнинский, юрист, учившийся в Московском университете, следующим образом: являлся попечитель, «обходил он наш строй, выправлял груди... и добродушно пояснял студентам, что... фронт — его дело... и в нем он уже полный хозяин»; и далее: «Все это... мало-по-малу создавало в молодых умах презрительное, саркастическое отношение к официальной власти, являвшейся перед нами... в таких типически комичных образчиках». Более того: «Были и профессора, бессознательно работавшие в руку такому настроению» [Воспоминания о студенческой жизни, 1899, с. 33–34]. Либеральные преподаватели, поддерживавшие протестные настроения молодежи, указывавшие в своих лекциях на неустойчивость российской жизни, становились кумирами — именно они собирали большое количество студентов на своих занятиях.

Еще одной формой протеста к концу XIX века, особенно в Петербурге, стало участие студентов в демонстрациях и общественных похоронах крупных политиков и писателей. «Венки, пение, речи над могилой — все могло дать повод к вмешательству полиции. <...> Полиция ревниво наблюдала за лентами, за их цветом, за надписями на них. <...> По рядам пробегал ропот. Молодые глаза загорались. <...> ...что-то сгушалось над нашими головами и опять рассеивалось. Многие шли на похороны ради этого мнимого, но волнительного чувства опасности» [Тыркова-Вильямс, 1998, с. 204–205].

Росло среди студентов влияние марксизма, а радикальных студентов к началу XX века стали называть «красными». Философ Н. А. Бердяев вспоминает: «...открылась эра бесконечных русских интеллигентских споров» [Бердяев]. Влияние студентов-марксистов в студенческой среде было велико, они внушали уважение и страх, были хорошо организованы. «Весьма большие средства студенческой "центральной, кассы" находились в руках марксистов. Социал-демократическими лидерами в среде студенчества были Г. С. Хрусталева-Носарь, будущий председатель Совета рабочих депутатов (в 1905 году), и будущий издатель "Мира Божьего" Николай Иорданский» [Керенский, 1993, с. 16]. Отразилось влияние радикальных студентов и в художественной литературе. Так, агрессивно и уверенно вели себя студенты под кличкой «красные»: «Иногда протест со стороны красных принимал очень резкую форму», они «...чувствовали какую-то почву под ногами, раздражали своим всегда удовлетворенным, самоуверенным видом» [Гарин-Михайловский, 1972, с. 183]. Такие студенты подавляли своих товарищей, их «смутно влекло к демонстрациям, в которых выражался протест против существующего порядка вещей» [Там же, с. 184]. Они сочувствовали любой демонстрации, «иногда достаточно было резко выразить несочувствие какому-либо движению, чтобы прослыть доносчиком. <...> Поклонение некоторым авторитетам было совершенно безусловное и пассивное» [Юзефович, 1898, с. 12–15].

Протесты студенчества не оставались безнаказанными. Самым распространенным способом наказания являлся арест. Студентов сажали в карцер или в тюрьму за участие в беспорядках и сходках, их организацию. Герцен описывает то чувство тревоги за товарищей, которое возникало, когда за провинившимися приходила полиция: «Опасность поднимала еще более

наши раздраженные нервы, заставляла сильнее биться сердца и с большей горячностью любить друг друга» [Герцен, 1937, с. 141]. Жестокость и внезапность расправы вносила разлад в студенческую среду, формировала недоверие по отношению к администрации университета. «...Взять его! — сгоряча распорядился граф Капнист... злополучный техник был немедленно арестован и вскоре вслед за тем выслан из Москвы», — вспоминает Б. А. Щетинин [Московский университет в воспоминаниях современников, 1989, с. 544]. Высылки и отчисления студентов нередко производили обратный эффект.

Арестантов уважали, как пострадавших, постепенно даже стало модно «пострадать». Сидя в тюрьме или карцере, молодежь довольно весело проводила время. Множество воспоминаний как XIX, так и начала XX века свидетельствуют о своеобразной культуре поддержки арестантов, пострадавших за идею: «Появилась... жена полицейского фельдшера. Она принесла охапку пакетов и мешочков со всякой снедью. Это был дар от неизвестных друзей, которые толпились у дверей участка»; это «создавало бодрящее чувство общности» [Тыркова-Вильямс, 1998, с. 258]. А. И. Герцен вспоминал карцер как грязный подвал, где сидели шестеро провинившихся: «Нас было велено содержать на хлебе и воде», но, «как только смерклось и университет опустел, товарищи принесли нам сыру, дичи, сигар, вина и ликеру. <...> Так проводили мы время, пируя ночью и ложась спать днем» [Герцен, 1937, с. 129].

Даже консервативные в будущем мыслители не избежали участи арестантов. Н. А. Бердяев писал: «...когда социал-демократы в большом количестве были водворены в тюрьму... У нас совсем не было такого чувства, что мы провалились, наоборот, настроение у нас было победное, нам казалось, что начинается новая эра в освободительном движении... <...> Во время прогулки все собирались вместе в тюремном дворе и устраивались настоящие собрания» [Бердяев]. Д. И. Шаховской провел одну ночь в Бутырской тюрьме. Для него это было «романтическое событие», запомнившееся «красиво звучащими песнями» в «хорошую, веселую бодрящую ночь» (цит. по: [Лубков, 2002, с. 18–19]). Романтика студенческих арестов, дружбы и взаимной поддержки отразилась и в художественной литературе: «В общей камере был невозможный воздух, было тесно, но весело и сытно. <...> Уныние наступало только тогда, когда того или другого студента со всеми его вещами требовали из камеры» [Гарин-Михайловский, 1972, с. 166]. Таким образом, как резюмируют сами участники арестов, «Правительство могло бы без труда справиться с немногочисленными революционными организациями, не будь они окружены своеобразной питательной средой. Заговорщиков прятали, поддерживали, им сочувствовали» [Тыркова-Вильямс, 1998, с. 245]. Идея принести себя в жертву ради общего блага была влиятельной, она развилась до такой степени, что «страдать» нужно было уметь и делать это с легкостью. Еще один участник студенческих волнений, народник Н. Морозов, вспоминал: «Я был тогда еще слишком молод для того, чтобы понять, что можно приносить себя в жертву и с видом беззаботности» [Морозов, 1907, с. 191].

С. Ю. Витте отмечал большое уважение, которое испытывали товарищи к «пострадавшим»: «В числе выборных студентов был и Миллер, перед которым большинство студентов преклонялось, так как он имел до некоторой степени ореол мученика, потому что он был из числа сосланных прежде в Сибирь» [Витте, 1991, с. 143]. Подогревалась любовь к революционерам и тем ореолом таинственности, которым обставлялась их подпольная работа: «Все эти таинственные переходы... наполнили мою душу таким восторженным трепетом, что я... не чувствовал под собою ног» [Морозов, 1907, с. 123]. К началу XX века радикализм, пренебрежение к учебной деятельности и стремление к приобретению альтернативных, «запрещенных» знаний на кружках и собраниях, активная политическая позиция, презрение к авторитетам — типичные черты корпоративной культуры студенчества, обусловившие выход молодежи на улицу. Протесты стали носить политический характер.

В конце 90-х годов XIX века студенческие беспорядки отличались особым масштабом. Это было связано с отчислением ряда студентов по политическим мотивам. Н. А. Бердяев вспоминал: «В 1898 году я был арестован по первому в России большому социал-демократическому делу и исключен из университета» [Бердяев]. В Петербургском университете в 1899 году на торжественном акте студенты решили продемонстрировать свой протест ректору. Крики «вон! Выходи! Господа, уйдем!» и почти одновременно... шиканье, свистки и аплодисменты» раздавались в аудитории [Ванновский, 1907, с. 9]. Учеба в университете прекрати-

лась: «В пустых аудиториях стояли профессора и напрасно зазывали студентов, — с популярными профессорами студенты перебрасывались шуточками, а нелюбимых освистывали» [Гарин-Михайловский, 1972, с. 144]

Чрезмерная политическая активность молодежи обратила на себя внимание правительства: «Крайняя распущенность и своеволие студентов, возрастающие из года в год, коренятся в целом ряде опытов полнейшей безнаказанности и в политике не осуществляемых угроз. ...студентам постоянно угрожали и никогда не приводили угроз в исполнение. ...строгое наказание студентов в данном случае есть дело безусловной необходимости...» (цит. по: [Голубцов, 1999, с. 200]). Наказания для студентов пополнились новым методом — отправкой в армию. Министр народного просвещения Н. П. Боголепов добился принятия 29 июля 1899 года «Временных правил» об «отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений». По новым правилам за коллективные беспорядки, «а также за подстрекательство к таким беспорядкам», и даже за уклонение от учебы студенты «подлежали исключению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности» (цит. по: [Корнев, 2020]). Эта мера была чрезмерно жестокой и спровоцировала новую волну протестов.

Уже 22 ноября того же года 183 студентов Киевского университета отправили в Сибирь. Однако «сосланные в Сибирь студенты... выступили с открытым письмом, в котором подчеркнули, что важнейшая цель студенческого движения — пробуждение политической активности старшего поколения» (цит. по: [Керенский, 1993, с. 16]). «Событие 22-го ноября послужило сигналом к грандиозным студенческим беспорядкам»: сначала сходки и протесты шли внутри университета, но к середине дня студенты вышли на улицы. «Сходка принимала угрожающие размеры; часть Моховой улицы, вдоль университета, была вся запружена толпою любопытных; движение экипажей приостановилось. <...> Вдруг послышались крики; “Расступитесь, расступитесь! Казаки!” <...> Действительно, откуда ни возьмись, показалась сотня казаков». Толпа рассыпалась, «манifestантов окружили и на глазах всей публики отвели в Манеж». «Вспыхнувшее волнение... все более разгоралось день ото дня. Так, 26-го ноября студенты устроили многочисленную сходку около Екатерининской больницы»; Б. А. Щетинин признавал: «Оставалось только одно средство: временно закрыть университет» [Московский университет в воспоминаниях современников, 1989, с. 545]. Применение силы к студентам, аресты и избиения полицией вызывали бесконечную череду беспорядков. Более того, студенты различных вузов поддерживали друг друга, всячески демонстрируя солидарность.

История с «Временными правилами» закончилась трагически для министра. Так, «14 февраля 1901 года, у министра просвещения попросил аудиенции Петр Карпович, бывший студент, дважды до того исключенный из университета. ...министр, не колеблясь, дал согласие на встречу с молодым человеком» (цит. по: [Керенский, 1993, с. 17]), после чего Карпович пошел на акт индивидуального террора и смертельно ранил министра.

После 1902 года вызвавшие большой общественный резонанс «Временные правила» не применялись к студентам (см.: [Иванов, 2020, с. 151]), однако и отменены не были. Вместе с тем активно применялась практика отправки студентов в армию. В 1905 году на фоне Русско-японской войны и Первой русской революции грянула новая волна молодежных протестов. Н. М. Дружинин вспоминал, как студенты «высыпали на улицу, быстро смастерили красное знамя и плакат с надписью: “Долой войну!” и с пением революционных песен двинулись... в направлении рабочих кварталов» [Московский университет в воспоминаниях современников, 1989, с. 602–603]. Отряд городских быстро разогнал шествие, однако подобные стычки зачастую усугубляли ситуацию и провоцировали молодежь на продолжение конфликта. Так, расстрел рабочих 9 января 1905 года вызвал организованную забастовку студенчества. Московский университет был закрыт.

В это время участниками протестов были уже не только юноши, но и девушки, получившие с 70-х годов XIX века доступ к высшему образованию. Они также быстро осваивали и транслировали особенности корпоративной культуры молодежи.

Разгон демонстраций, приобретающих политический окрас, становился все более жестоким: «Манifestанты были, конечно, безоружны. Голыми руками отбивались студенты и студентки от налетавших на них с нагайками казаков, разбегались от конного натиска, кричали, перебегали с места на место, но с площади не уходили»; «...Казак нагайкой сбил с девушки

шляпу. Волосы ее распустились. На щеке показалась кровь. <...> Тут была не только университетская молодежь, но и люди постарше» [Тыркова-Вильямс, 1998, с. 254], — вспоминает А. В. Тыркова-Вильямс.

Тем не менее на основе университетского устава дисциплинарные вопросы по-прежнему решало университетское начальство. О событиях 1905 года мы можем узнать как из официальных докладов министра народного просвещения, так и из воспоминаний самих студентов. «По отзыву опрошенных профессоров, студенчество было страшно возбуждено», студенты открыто делились своими эмоциями с преподавателями, жестокая расправа полицейских с молодежью вызвала сильную эмоциональную реакцию, один студент «разрыдался, а с некоторыми студентами сделалась истерика» [Ванновский, 1907, с. 21–22]. В университете произошел «полный беспорядок: профессора отказывались читать лекции»; «в то же время в свободных аудиториях замечались группы студентов в расстегнутых сюртуках и тужурках, курившие, игравшие в карты или лежащие на скамейках, что при обыкновенной обстановке совершенно немыслимо» [Там же, с. 24]. Избежать эмоционального напряжения, царившего в обществе в начале XX века, было трудно: «Время тогда было беспокойное, университеты представляли из себя не столько рассадники науки, сколько боевые лагеря. Студенты... прощаясь с родными, не знали, увидятся они, или нет» [Курбский, 1912, с. 1]. К началу XX столетия эмоциональный накал и политический радикализм в молодежной среде, как и в российском обществе, усиливались. Если в XIX веке проявления корпоративной солидарности студенчества носили внутренний характер, не выходили за рамки университетов, решались в основном мирно, то к XX веку открытость выступлений возросла, а традиционная сплоченность молодежи приводила к массовости выступлений. По новому университетскому уставу и «Временным правилам» наказания к студентам применялись более жестокие.

Так, очередным новым наказанием для демонстрантов были штрафы, для начала XX века довольно внушительные. Для сравнения, месячный бюджет студента равнялся 25–30 руб. За участие в неразрешенном студенческом собрании штраф составлял: с двух студентов-организаторов и руководителей собрания — по 200 руб., в случае неплатежеспособности — арест на пять недель; с пятирых вольнослушателей — по 125 руб., или 25-дневный арест; с шестерых студентов — по 150 руб., или арест на один месяц; с девяти бывших студентов — по 100 руб., или 20 дней ареста; с пятерых посторонних — по 300 руб., или 1,5 месяца ареста [Курбский, 1912, с. 128].

Эмоциональная нестабильность общества сказывалась на состоянии студенчества весь период начала XX века, а сформированная на протяжении XIX века корпоративная культура настойчиво диктовала определенный образ действий, что выразилось в эскалации студенческих волнений и беспорядков, политическом расслоении и непримиримой вражде среди студентов, а также в участии студенчества в профессиональной революционной деятельности, поддержке радикальной интеллигенции и во вступлении в политические партии после 1905 года. В целом, корпоративную культуру студенчества характеризуют общность мировоззренческих установок, таких как готовность служить отечеству, стремление к преобразованию общества, высокая культура взаимопомощи и взаимовыручки, ориентация на идеалистические установки, и в то же время — подавление инакомыслия, высокомерие, необдуманность поступков, максимализм и радикализация убеждений. Изменения как в социальной структуре студенчества, так и в общественно-политической жизни Российской империи отразились на эволюции корпоративной культуры студенчества, привели к проявлению ее крайних форм.

Список источников

1. Бах А. Н. Записки народовольца. — М. ; Л. : Молодая гвардия, 1929. — 253(3) с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». — 2000. — URL : <https://vehi.net/berdyayev/samopoznanie/index.html> (дата обращения: 23.01.2022).
3. Буслаев Ф. И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. — М. : Рус. кн., 2003. — 607 с.
4. Ванновский П. С. Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 г. — СПб. : Изд. тип. «Самокат», 1907. — 68 с.
5. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. — М. : Мысль, 1991. — 718 с.

6. Воспоминания о студенческой жизни : сб. — М. : О-во распространения полезных кн., 1899. — С. 21–65, 189–234, 235–272.
7. Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры. — М. : Художественная лит., 1972. — 478 с.
8. Герцен А. И. Былое и думы : в 5 т. — М. : Просвещение, 1937. — Т. 1. — 640 с.
9. Гиляровский В. Записки москвича. — М. : Федерация, 1931. — 237(5) с.
10. Голубцов С. А. Московская духовная академия в революционную эпоху : в 3 т. — М. : Мар-тис, 1999. — Т. 1 : Академия в социальном движении и служении в начале XX в.: по материалам архивов, мемуаров и публикаций. — 247 с.
11. Гусятников П. С. Революционное студенческое движение России 1899–1907 гг. — М. : Мысль, 1971. — 264 с.
12. Документы Московского университета // Летопись Московского университета. — Универси-тетский устав. — 1804, 5 нояб. ; 1863, 18 июня ; 1884, 18 авг. — URL : <http://letopis.msu.ru/docs> (дата об-ращения: 25.02.2023).
13. Иванов А. Е. Отдача студентов в солдаты в 1899–1901 гг. // Российская история. — 2020. — № 6. — С. 143–155.
14. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары / пер. с англ. — М. : Республи-ка, 1993. — 383 с.
15. Корнев А. А. Студенческое движение 1899–1902 гг. в Петербурге в оценке высшей бюрократии // Гуманитарный акцент. — 2020. — № 4. — С. 51–56. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskoe-dvizhenie-1899-1902-gg-v-peterburge-v-otsenke-vysshey-byurokratii/viewer> (дата обращения: 17.02.2023).
16. Курбский В. Очерки студенческой жизни (из дневника бывшего студента). — М., 1912. — 203 с.
17. Лубков А. В. Д. И. Шаховской: путь русского либерала // Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881–1885 / сост., вступ. ст. А. В. Лубкова. — М. : Прометей, 2002. — С. 9–52.
18. Морозов Н. А. В начале жизни. Как из меня вышел революционер вместо ученого. — М. : Изд. В. М. Саблина, 1907. — 265 с.
19. Московский университет в воспоминаниях современников : сб. / сост. Ю. Н. Емельянов. — М. : Современник, 1989. — С. 533–547, 583–596, 601–614.
20. Петербургский университет и революционное движение в России : сб. ст. — Л., 1979. — 190(1) с.
21. Пешников В. В. В. И. Ленин и студенческое движение России : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 1973. — 104 с.
22. Свиньин И. А. Воспоминания студента 60-х гг. за 1862–1865 гг. — Тамбов, 1890. — 155 с.
23. Соломонов В. А. Об участии московского студенчества в Первой Всероссийской студенче-ской забастовке 1899 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. — 1994. — № 2. — С. 148–155.
24. Schwartz H., Davis S. M. (1981) Matching Corporate Culture and Business Strategy // Organizational Dynamics. — № 10. — Pp. 30–48. — URL : <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=1899948> (дата обращения: 16.10.2023).
25. Ткаченко П. С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60-70-х гг. XIX века. — М. : Мысль, 1978. — 245 с.
26. Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет / предисл., коммент. В. В. Шело-хаева. — М. : Слово, 1998. — 560 с.
27. Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. — М. : Политиздат, 1983. — 238 с.
28. Юзефович В. М. Тридцать лет тому назад. Очерк из студенческой жизни. — Киев : Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1898. — 76 с.
29. Юркина Н. Н. Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX — начала XX вв. // Преподаватель XXI век. — 2016. — № 3, ч. 1. — С. 53–61.
30. Юркина Н. Н. Эволюция мировоззрения российского студенчества в XIX — начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2022. — № 2. — С. 10–29.

References

1. Bach A. N. *Zapiski narodovoltsa* [Memoirs of a member of Narodnaya Volya]. Moscow, Leningrad, Molodaya Gvardiya Publ., 1929, 253(3) p. (In Russian).
2. Berdyayev N. A. Self-knowledge. *Biblioteka russkoy religiozno-filosofskoy i khudozhestvennoy literatury "Vekhi"* [Library of Russian religious, philosophical and artistic literature "Vekhi"]. 2000. Available at: <https://vehi.net/berdyayev/samopoznanie/index.html> (accessed: 23.01.2022). (In Russian).

3. Buslaev F. I. *Moi dosugi. Vospominaniya. Statyi. Razmyshleniya* [My leisure time. Memoirs. Articles. Reflections]. Comp., comment. by T. F. Prokopov. Moscow, Russkaya Kniga Publ., 2003, 607 p. (In Russian).
4. Vannovsky P. S. *Doklad Vannovskogo po povodu studencheskikh besporyadkov 1899 g.* [Vannovsky's report on the student riots of 1899]. St. Petersburg, Samokat Publ., 1907, 68 p. (In Russian).
5. Witte S. Yu. [Selected memoirs. 1849–1911]. Moscow, Mysl, 1991, 718 p. (In Russian).
6. *Vospominaniya o studencheskoy zhizni: sb.* [Memoirs of students' life: collection]. Moscow, Obshchestvo rasprostraneniya poleznykh knig Publ., 1899, pp. 21–65, 189–234, 235–272. (In Russian).
7. Garin-Mikhailovsky N. G. *Studenty. Inzhenery* [Students. Engineers]. Moscow, Khudozhestvennaya lit. Publ., 1972, 478 p. (In Russian).
8. Herzen A.I. *Byloye i dumy: v 5 t.* [My Past and Thoughts: in 5 vols.]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1937, vol. 1, 640 p. (In Russian).
9. Gilyarovskiy V. *Zapiski moskvicha* [Notes of a Muscovite]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931, 237(5) p. (In Russian).
10. Golubtsov S. A. *Moskovskaya dukhovnaya akademiya v revolyutsionnuyu epokhu: v 3 t.* [Moscow Theological Academy in the Revolutionary Epoch: in 3 vols.]. Moscow, Martis Publ., 1999, vol. 1: The Academy in social life and service in the early 20th century: based on materials from archives, memoirs and publications, 247 p. (In Russian).
11. Gusyatinikov P. S. *Revolutsionnoye studencheskoye dvizheniye Rossii 1899–1907 gg.* [Revolutionary students' movement in Russia 1899–1907]. Moscow, Mysl Publ., 1971, 264 p. (In Russian).
12. Documents of Moscow University. *Letopis Moskovskogo universiteta* [Chronicle of Moscow University]. University charter, 1804, 5 Nov.; 1863, June 18; 1884, 18 Aug. Available at: <http://letopis.msu.ru/docs> (accessed: 25.02.2023). (In Russian).
13. Ivanov A. E. Recruitment of students to military service in 1899–1901. *Rossiyskaya istoriya*. [Russian history]. 2020, iss. 6, pp. 143–155. (In Russian).
14. Kerensky A. F. *Rossiya na istoricheskom povorote: memuary* [Russia at its historical turn: memoirs]. Transl. from Engl. Moscow, Respublika Publ., 1993, 383 p. (In Russian).
15. Kornev A. A. Students' movement in 1899–1902 in St. Petersburg in assessment of government officials. *Gumanitarnyy aktsent* [Humanitarian accent]. 2020, iss. 4, pp. 51–56. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskoe-dvizhenie-1899-1902-gg-v-peterburge-v-otsenke-vysshey-byurokratii/viewer> (accessed: 17.02.2023). (In Russian).
16. Kurbsky V. *Ocherki studencheskoy zhizni (iz dnevnika byvshego studenta)* [Sketches of students' life (from the diary of a former student)]. Moscow, 1912, 203 p. (In Russian).
17. Lubkov A. V. D. I. Shakhovskoy: the path of the Russian liberal. *Shakhovskoy D. I. Izbrannyye statyi i pisma. 1881–1885* [Shakhovskoy D. I. Selected articles and letters. 1881–1885]. Comp., intr. article by A. V. Lubkov. Moscow, Promethey Publ., 2002, pp. 9–52. (In Russian).
18. Morozov N. A. *V nachale zhizni. Kak iz menya vyshel revolyutsioner vmesto uchenogo* [At the beginning of my life. How I became a revolutionary instead of a scientist]. Moscow, V. M. Sablin's Publ., 1907, 265 p. (In Russian).
19. *Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov: sb.* [Moscow University in memoirs of contemporaries: collection]. Comp. by Yu. N. Emelyanov. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 533–547, 583–596, 601–614. (In Russian).
20. *Peterburgskiy universitet i revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii: sb. st.* [St. Petersburg University and the revolutionary movement in Russia: collection of articles]. Leningrad, 1979, 190(1) p. (In Russian).
21. Peshnikov V. V. *V. I. Lenin i studencheskoye dvizheniye Rossii: ucheb. posobiye* [V. I. Lenin and students' movement in Russia: textbook]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1973, 104 p. (In Russian).
22. Svinyin I. A. *Vospominaniya studenta 60-kh gg. za 1862–1865 gg.* [Memoirs of a student of the 1860s: 1862–1865]. Tambov, 1890, 155 p. (In Russian).
23. Solomonov V. A. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istoriya* [About the participation of Moscow students in the First All-Russian students' strike of 1899. Bulletin of Moscow University. Ser. 8, History]. 1994, iss. 2, pp. 148–155. (In Russian).
24. Schwartz H., Davis S. M. Matching Corporate Culture and Business Strategy. *Organizational Dynamics*. 1981, iss. 10, pp. 30–48. Available at: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=1899948> (accessed: 16.10.2023).
25. Tkachenko P. S. *Uchashchayasya molodezh v revolyutsionnom dvizhenii 60-70-kh gg. XIX veka* [Students in the revolutionary movement of the 1860–70s]. Moscow, Mysl Publ., 1978, 245 p. (In Russian).
26. Tyrkova-Williams A. V. *Vospominaniya. To, chego bolshe ne budet* [Memoirs. What will never happen again]. Preface, comment. by V. V. Shelokhaev. Moscow, Slovo Publ., 1998, 560 p. (In Russian).
27. Fedyukin S. A. *Partiya i intelligentsiya* [The Party and the intelligentsia]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, 238 p. (In Russian).

28. Yuzefovich V. M. *Tridtsat let tomu nazad. Ocherk iz studencheskoy zhizni* [Thirty years ago. Essay about students' life]. Kiev, G. L. Frontskevich's Publ., 1898, 76 p. (In Russian).

29. Yurkina N. N. Financial situation of students in the Russian Empire in the 19th — early 20th centuries. *Prepodavatel XXI vek* [Teacher of the XXI century]. 2016, iss. 3, part 1, pp. 53–61. (In Russian).

30. Yurkina N. N. Evolution of the worldview of Russian students in the 19th — early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Humanities]. 2022, iss. 2, pp. 10–29. (In Russian).

Информация об авторе

Юркина Наталия Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России института истории и политики Московского педагогического государственного университета; доцент кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана.

Сфера научных интересов: социальная история России, история русской культуры, история России XIX — начала XX веков, регионоведение и региональная история, историческое краеведение, методика и педагогика высшей школы.

Information about the author

Yurkina Natalia Nikolaevna — candidate of history, associate professor of Chair of the History of Russia, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; associate professor of Chair of History, Bauman Moscow State Technical University.

Research interests: social history of Russia, history of the Russian culture, Russian history of the 19th — early 20th centuries, area studies and regional history, local history, methodology and pedagogy of higher school.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023; принята к публикации 26.09.2023.

The article was submitted 23.03.2023; accepted for publication 26.09.2023.